

П.Н. Буцинский

**Отзывы о Павле I его
современников**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.Н. Буцинский**
Отзывы о Павле I его современников / П.Н. Буцинский – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 43 с.

ISBN 978-5-518-06154-5

ISBN 978-5-518-06154-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Воспитаніе Павла окончилось и Императрица Екатерина, объявляя объ этомъ воспитателю Панину, „сочла долгомъ изъяснить послѣднему свое признаніе и благодарность за все приложенные имъ труды и попеченія о здравіи и украшеніи тѣлесныхъ и душевныхъ его природныхъ дарованій, о коихъ, замѣтила Екатерина Алексѣевна, по вѣжности материнской любви и пристрастію, не мнѣ пригоже судить“. Теперь спрашивается, какъ же другіе въ это время судили о Павлѣ?

Прусскій посланникъ при Петербургскомъ дворѣ Сольмесъ такъ отзывался о немъ: „Въ него легко влюбится любой дѣвицѣ. Хотя онъ невысокаго роста, но очень красивъ лицомъ; весьма правильно сложенъ; разговоръ и манеры его пріятны; онъ кротокъ, чрезвычайно учтивъ, предупредителенъ и веселаго нрава. Подъ этою прекрасною наружностію скрывается душа превосходѣйшая, самая честная и возвышенная, и вмѣстѣ съ тѣмъ самая чистая и невинная, которая знаетъ зло только съ отталкивающей его стороны и вообще свѣдуща о дурномъ, лишь насколько это нужно, чтобы вооружиться рѣшимостью самому избѣгать его и не одобрять его въ другихъ. Однимъ словомъ невозможно довольно сказать въ похвалу великому князю; еслибъ я сказалъ еще что либо, то сталъ бы подозрѣвать себя въ низкомъ ласкательствѣ“.

Не менѣ лестные отзывы даютъ о Павлѣ Прусскій припцъ Генрихъ и Датскій посланникъ Ассбургъ. Но въ то же время нѣкоторые современники отмѣчаютъ и не симпатичныя черты Русскаго Великаго Князя: его недовѣрчивость, скрытность и подозрительность. И самъ Павелъ откровенно признавалъ въ себѣ эти недостатки.

„Дружба Ваша, писалъ онъ въ половинѣ 1773 г. своему другу А. Разумовскому, произвела во мнѣ чудо: я начинаю отрѣшаться отъ моей прежней подозрительности, но Вы ведете борьбу противъ десятилѣтней привычки и побораете то, что боязливость и обычное стѣсненіе вкоренили во мнѣ. Теперь я поставилъ себѣ за правило жить, какъ можно согласнѣе со всеми“.

Но жизненныя условія совсѣмъ неблагопріятствовали Павлу, чтобъ онъ могъ отрѣшиться отъ упомянутыхъ недостатковъ. Императрица уже давно смотрѣла на сына, какъ на своего соперника и принимала свои мѣры. Датскій посланникъ Сальдернъ говорилъ Сольмсу: „онъ не можетъ жить при такомъ дворѣ, гдѣ быть пріятнымъ Императрицѣ возможно только тогда, когда состоишь въ

дурныхъ отношенійхъ къ Великому Князю, а находясь въ хорошихъ отношеніяхъ къ этому послѣднему, навлечешь подозрѣнія Императрицы“

Въ половинѣ 1773 г. Сольмсъ писалъ Фридриху II, что Екатерина „стала недовѣрчива къ великому Князю вслѣдствіе успѣха его и увеличивающейся славы“. Французскій посолъ доносилъ своему правительству: „Императрица старается сдѣлать Павла Петровича недовѣрчивымъ и подозрительнымъ, дабы его уединить, будучи увѣрена, что самъ по себѣ онъ не былъ способенъ ни возстать противъ нея, ни оказать ей какое либо противодѣйствіе“. Опасенія Екатерины были совершенно неосновательны: по свидѣтельству современниковъ Павелъ всегда былъ почтительнымъ сыномъ и покорнымъ подданнымъ. Тѣмъ не менѣе Императрица, чтобы уединить сына и сдѣлать его недовѣрчивымъ къ людямъ, употребляла самыя ужасныя средства. Какъ извѣстно, Павелъ Петровичъ очень полюбилъ свою супругу и въ то же время питалъ искреннюю привязанность къ другу дома А. Разумовскому. Но эти лица жестоко обманывали Павла. Послѣ смерти Натальи Алексѣевны 1776 г. императрица, чтобы утѣшить сына въ горѣ, не нашла ничего лучшаго, какъ передать ему интимную переписку, бывшую между его покойной супругой и другомъ Разумовскимъ. Само собою понятно, какъ это открытіе должно было губительно подѣйствовать на характеръ Павла: кому же послѣ этого вѣрить?!

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Павелъ Петровичъ женился во второй разъ. Новая супруга великаго князя Марія Федоровна, какъ извѣстно, была образцемъ всякихъ добродѣтелей. Молодые супруги страстно полюбили другъ друга и не предвидѣли конца своему счастью. Въ концѣ 1776 г. Марія Федоровна такъ отзывалась о своемъ супругѣ въ письмѣ къ подругѣ дѣтства: „Великій Князь, очаровательнѣйшій изъ мужей Я очень рада, что Вы его не знаете; вы не могли бы не полюбить его и я стала бы его ревновать. Дорогой мой мужъ, ангелъ: я люблю его до безумія.“

И русскіе и иностранцы даютъ самыя восторженные отзывы о высокоправственной жизни молодой Великокняжеской Четы. „Нѣжность и любовь между Великимъ Княземъ и его супругою“ свидѣтельствуется князь Ѡ. П. Голицынъ „были совершены. Невозможно, кажется, пребывать въ сожитіи согласіе, какъ они долгое время пребывали. Мы не могли на столь счастливое супружество довольно порадоваться, и сіе имѣло великое вліяніе надъ петербургскою публикою и усугубило во всѣхъ усердіе и любовь къ

ихъ будущему Государю“. Такое поведеніе молодыхъ супруговъ тѣмъ болѣе должно было бросаться въ глаза современникамъ, что „внутренняя жизнь стараго двора. писалъ въ началѣ 1778 года Англійскій посланникъ Гаррисъ, представляетъ зрѣлище распущенности и безпорядка, о которомъ невозможно и составить себѣ понятія: годы не украшаютъ страстей; онѣ съ лѣтами дѣлаются еще болѣе сильными и, всматриваясь ближе въ дѣло, я нахожу, что добрыя качества Екатерины были преувеличиваемы, а недостатки ея умалены“

Упомянутый Голицынъ такъ отзывается о Павлѣ: „Великій Князь имѣлъ весьма острый и пылкій умъ съ хорошею памятью; сердце его было чувствительное, но въ первомъ движеніи онъ очень былъ горячъ. Императрица не всегда обходилась съ нимъ, какъ бы должно было и онъ никакъ въ дѣлахъ не соучаствовалъ. Она вела его не такъ, какъ наслѣдника... присворбно было всѣмъ видѣть сіе неискреннее обхожденіе и не малѣйшей горячности и любви между сими Августѣйшими особами. Великій же Князь къ родительницѣ своей всегда былъ почтителенъ и послушенъ“.

Тоже подтверждаетъ и Французскій посланникъ Сабатье де-Кабръ въ своемъ донесеніи въ 1779 г.

„Императрица, которая жертвуетъ для приличія всѣмъ остальнымъ, не соблюдаетъ никакого въ отношеніи къ сыну. Для него у нея всегда видъ и тонъ Государыни и она часто прибавляетъ къ этому сухость и обидное невниманіе, которыя возмущаютъ молодого Великаго Князя. Она никогда не относилась къ нему, какъ мать; передъ нею онъ всегда почтительный и покорный сынъ...“

Тотъ же посланникъ дѣлаетъ такую характеристику Павла: „Онъ выражается любезно и свободно и старается нравиться всѣмъ приближеннымъ своимъ вниманіемъ, вѣжливостью и обязательностію разговора...“ Но особеннаго вниманія заслуживаютъ отзывы о Павлѣ, относящіеся ко времени его путешествія по западной Европѣ подъ именемъ графа Сѣвернаго.

Какъ извѣстно Великій Князь вмѣстѣ съ своей супругою выѣхали за границу 19 Сентября 1781 г. и возвратились оттуда въ Петербургъ 20 Ноября слѣдующаго года. Высокіе путешественники обращали на себя исключительное вниманіе вездѣ, гдѣ появлялись и это очень естественно: вѣдь послѣ Петра Великаго никто изъ особъ царствующаго дома въ Россіи не показывался въ западной Европѣ. Многіе европейцы хорошо знали какое значеніе для Россіи имѣло пчтешествіе этого монарха, какъ оно отразилось на

его царственной дѣятельности и къ какимъ результатамъ привела эта дѣятельность: прежняя замкнутая „Московія“ превратилась въ Россійскую Имперію, въ Европейскую державу. Во второй половинѣ 18 вѣка имперія Петра Великаго стала уже самымъ могущественнымъ государствомъ во всей Европѣ и обращала на себя особенное вниманіе всѣхъ европейцевъ. Теперь наслѣдникъ этой монархіи, будущій самодержавный государь путешествуетъ по западной Европѣ и потому естественно было европейцамъ стараться поближе познакомиться съ нимъ, составить о немъ истинное мнѣніе и узнать о цѣляхъ его путешествія.

Вотъ почему приводимые ниже отзывы о Павлѣ являются особенно надежнымъ матеріаломъ для характеристики его личности. Къ тому же, Павелъ Петровичъ чувствовалъ себя вдали отъ Петербурга гораздо свободнѣе, и по своей прямотѣ могъ вполне раскрыть свой характеръ, показать свои способности и приобрѣтенныя познанія въ разныхъ предметахъ.

Въ Вѣнѣ въ гостихъ у Императора Іосифа II графъ и графиня Сѣверные провели шесть недель—время достаточное, чтобъ этотъ просвѣщенный монархъ могъ хорошо узнать своихъ высочихъ гостей. Въ своемъ интимномъ письмѣ къ брату, Герцогу Леопольду Тосканскому, Іосифъ II такъ отзывается о русскихъ путешественникахъ: „Великій Князь и Великая Княгиня соединяютъ съ несовѣмъ обыкновенными талантами и съ довольно обширными познаніями, желаніе обозрѣвать и поучаться и въ тоже время имѣть успѣхъ и нравиться всей Европѣ. Такъ какъ можно рассчитывать на ихъ скромность и честность, то ничѣмъ нельзя болѣе обязать ихъ, какъ доставляя имъ возможность осматривать все безъ подготовки и безъ прикрасъ, говорить съ ними съ полною откровенностію, не скрывать отъ нихъ недостатковъ, которые я безъ того не ускользнули бы отъ ихъ проницательности и обращать ихъ вниманіе на добрыя памѣренія, которыми вы воодушевлены, хотя бы они еще и не выразились фактически.

Такъ какъ они, не столько по характеру, сколько по обстоятельствамъ, нѣсколько недовѣрчивы, то нужно заботливо избѣгать всего, что могло бы имѣть видъ уловки, или играть передъ ними комедію .“.

„Ихъ весьма интересуютъ всѣ предметы, дѣйствительно замѣчательные по ихъ древности, рѣдкости въ природѣ, размѣру или богатству сооруженія; по этому не слѣдуетъ утомлять ихъ обзорѣніемъ нѣсколькихъ предметовъ въ одинъ день, но предоставить

возможность осмотрѣть въ подробности все наиболѣе любопытное и замѣчательное,“

„Они съ интересомъ изучаютъ общественныя учрежденія, какъ благотворительныя, такъ и учебныя, и какъ притомъ желаютъ обратить на пользу все, что обозрѣваютъ, то не только не слѣдуетъ отказывать имъ въ сообщеніи письменныхъ свѣдѣній, со всею подробностію и точностію, которую они могутъ потребовать, но напротивъ того, предлагать имъ эти свѣдѣнія потому, что и безъ того всѣ эти учрежденія устроены не для того, чтобы оставаться въ тайнѣ, а подобныя знаки довѣрія и предупредительности очень имъ понравятся, доказывая желаніе ваше содѣйствовать полезности и пріятству ихъ путешествія“.

„Знакомство съ лицами наиболѣе просвѣщенными и извѣстными, составляетъ главный предметъ ихъ любознательности и какъ въ тоже время они желаютъ видѣть избранное и притомъ немногочисленное общество и пользоваться имъ, необходимо устроить соотвѣтственно этому обѣды и бесѣды, среди которыхъ ихъ Высочества будутъ имѣть удовольствіе познакомиться со всѣми, которые выдвигаются изъ ряду не только по рожденію, но и по уму и по знаніямъ. Въ тоже время ихъ Высочества будутъ имѣть случай выказаться разговорами, любезностію и образованностію предъ лицами, наиболѣе способными судить объ этомъ и которые, воздавъ имъ справедливость привлекутъ на ихъ сторону общественное мнѣніе“

„Хорошая музыка и хорошій спектакль доставляетъ имъ, кажется, удовольствіе. Военное и морское дѣло, конечно, составляютъ одинъ изъ любимыхъ предметовъ ихъ занятій, точно такъ же, какъ и торговля, промышленность и мануфактуры. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ предоставить имъ всѣ удобства и облегченія, которыя они пожелаютъ имѣть“

Великій Герцогъ-Леопольдъ, познакомившись съ графомъ и графиней Сѣверными во время ихъ пребыванія во Флоренціи, даетъ слѣдующую характеристику своихъ гостей въ письмѣ къ Іосифу II.

„Я не могу не нахвалиться откровенностію, дружбою и довѣріемъ, которыя оказали мнѣ какъ графъ, такъ и графиня Сѣверные... Графъ Сѣверный, кромѣ большого ума, дарованій и разсудительности, обладаетъ талантомъ вѣрно постигать идеи и предметы и быстро обнимать всѣ ихъ стороны и обстоятельства. Изъ всѣхъ его рѣчей видно, что онъ исполненъ желаніемъ добра. Мнѣ кажется,

что съ нимъ слѣдуетъ поступать откровенно, прямо и честно, чтобъ не сдѣлать его недовѣрчивымъ и подозрительнымъ. Я думаю, что онъ будетъ очень дѣятелемъ; въ его образѣ мыслей видна энергія. Мнѣ онъ кажется очень твердымъ и рѣшительнымъ когда остановится на чемънибудь и конечно, онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые позволили бы кому бы то ни было управлять собою. Вообще онъ, кажется, не особенно жалуетъ иностранцевъ и будетъ строгъ, склоненъ къ порядку, безусловной дисциплинѣ, соблюденію установленныхъ правилъ и точности. Въ разговорахъ своихъ онъ ни разу и не въ чемъ не касался своего положенія и Императрицы, но ни скрылъ отъ меня, что не одобряетъ всѣхъ обширныхъ проектовъ и нововведеній въ Россіи, которые въ дѣйствительности впоследствии оказываются имѣющими болѣе пышности и названія, чѣмъ истинной прочности. Только умоиняя о планахъ Императрицы относительно увеличенія русскихъ владѣній на счетъ Турціи и основанія имперіи въ Константинополѣ, онъ не скрылъ отъ меня своего неодобренія этому проекту и вообще всякому плану увеличенія монархіи, уже и безъ того очень обширной и требующей заботы о внутреннихъ дѣлахъ. По его мнѣнію слѣдуетъ оставить въ сторонѣ всѣ эти бесполезныя мечты о завоеваніяхъ, которыя служатъ лишь къ пріобрѣтенію славы, не доставляя дѣйствительныхъ выгодъ, а напротивъ, ослабляя еще болѣе государство. Я убѣжденъ, что въ этомъ отношеніи онъ говорилъ со мною искренно“.

Да, несомнѣнно, Павелъ говорилъ искренно— это доказываетъ вся его царственная дѣятельность! Если взять во вниманіе „разсужденіе“ о государствѣ, написанное Павломъ Петровичемъ въ 1774 г. и откровенныя бесѣды его съ Герцогомъ Тосканскимъ въ 1782 г. о томъ же предметѣ, то мы ясно увидимъ, что Павелъ довольно рано составилъ себѣ программу государственной дѣятельности, а сдѣлавшись Императоромъ буквально выполнялъ ее.

По этому общая характеристика будущей дѣятельности Павла, данная Леопольдомъ въ письмѣ къ брату, настолько вѣрна, что историкъ не можетъ не поражаться ея правдивостью, хотя она и дана за четырнадцать лѣтъ до начала царствованія этого императора; словно Леопольдъ обладалъ даромъ предвидѣнія.

Въ началѣ Мая Графъ и Графиня Сѣвершые прибыли въ Парижъ. Здѣсь ихъ уже давно ожидали съ нетерпѣніемъ, какъ королевскій дворъ, такъ и парижане и это нетерпѣніе понятно: молва о недюжинныхъ талантахъ, объ обширныхъ познаніяхъ въ

наукахъ и искусствахъ, высокихъ путешественниковъ, ихъ любезности и обворожительномъ обращеніи дошло до Парижа и создала здѣсь нѣкоторое предубѣжденіе въ пользу ожидаемыхъ гостей.

Парижане не обманулись. Никѣмъ не цѣнятся такъ находчивость и остроуміе, какъ французами, а нѣсколько удачныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ Павломъ создали ему славу остроумнѣйшаго человѣка. Для иллюстраціи этого приведемъ здѣсь нѣкоторые факты, передаваемые однимъ современникомъ Башомономъ. „Во время параднаго бала, когда толпа была такъ велика, что хлынула въ сторону Короля, Его Величество (Людовикъ XVI) сказалъ: „однако насъ начинаютъ тѣснить“. При этихъ словахъ окружившіе короля отступили въ сторону и Графъ Сѣверный также, говоря: „извините в. в., я въ эту минуту считалъ себя за одного изъ Вашихъ подданныхъ, и подобно имъ находилъ, что чѣмъ ближе къ Вамъ, тѣмъ лучше“. Король протянулъ ему руку и поставилъ его возлѣ себя“.

Однажды Павелъ Петровичъ посѣтилъ графа д'Артуа, который собирался въ испанскую армію, чтобы принять участіе въ осадѣ Гибралтара.

Гость засталъ хозяина въ ту минуту, когда послѣдній разсматривалъ шпаги новаго фасона. Графъ д'Артуа воспользовался этимъ случаемъ и поднесъ въ подарокъ Высокому Гостю только что выбранную имъ для себя шпагу. „Позвольте мнѣ не принимать ее, сказалъ Павелъ, а дать въ залогъ ту, которою Вы завоюете Гибралтаръ“.

„Графъ Сѣверный, который не пропускаетъ ни одного замѣчательнаго памятнаго, навѣстилъ въ Сорбоннѣ могилу извѣстнаго кардинала Ришелье.

Ученый, сопровождавшій графа при обзорѣннѣ церкви, напомнилъ ему у этой гробницы замѣчательныя слова нѣкогда сказанныя тутъ царемъ Петромъ I: „Великій человѣкъ! воскликнулъ онъ; „какъ жаль, что тебя нѣтъ въ живыхъ! Я отдалъ бы тебѣ половину моего царства, только бы ты научилъ меня, какъ управлять другимъ!“, на что молодой Великій Князь живо возразилъ: ахъ, сударь, да потомъ онъ же отнялъ бы у Васъ и эту“.

„При посѣщеніи госпиталей. Великій Князь такъ выразился. въ отвѣтъ на попытки не допускать его до посѣщенія такихъ жилищъ, которыхъ Высокопоставленныя лица столь тщательно сами избѣгаютъ. „Чѣмъ болѣе Государя удалены отъ зрѣлица людскихъ золъ, тѣмъ болѣе должны они приближаться къ нимъ, чтобъ быть въ состояніи помогать несчастнымъ“.

На неприличное замѣчаніе кого то изъ толпы, что русскій Князь не отличается красотою, Павелъ сказалъ: „если французы любезны, то ихъ нельзя упрекнуть и въ недостатокѣ откровенности“.

Преждевременный слухъ о некрасивой наружности графа, замѣчаетъ Башомонъ: послужилъ ему въ пользу; его нашли далеко не столь дурнымъ, какъ было разгласили. Впрочемъ все некрасивое сглаживается выраженіемъ доброты на царскомъ лицѣ; графиня же положительно всѣмъ понравилась.

„Вообще, говорить тотъ же современникъ, блистала Великая Княгиня, которую находили прелестною и ангельски-доброю. Августѣйшій супругъ ея отличался сдержанностію, но все, что онъ говорилъ, было весьма основательно“. Однако другіе современники находили, что сдержанность не въ натурѣ Павла: Сальдернъ замѣчаетъ, что Великій Князь имѣетъ горячую голову. Королевъ Маріи Антуанетъ Графъ Сѣверный такъ же показался челоѣкомъ пылкимъ и стремительнымъ. И въ доказательство приводится слѣдующій случай. На вопросъ короля, правда ли, что въ его свитѣ нѣтъ никого, на кого онъ могъ бы положиться, Великій Князь отвѣтилъ: „ахъ. мнѣ было бы очень прискорбно, если бы возлѣ меня находился самый маленькій пудель, ко мнѣ привязанный: мать моя велѣла бы бросить его въ воду прежде, чѣмъ мы оставили бы Парижъ“.

Французскіе Король и Королева были очарованы своими гостями и всячески старались сдѣлать ихъ пребываніе въ Парижѣ приятнымъ: въ честь ихъ устраивались блестящіе балы при дворѣ, пародные спектакли въ театрахъ и другого рода развлечения. „И знаменитые гости, свидѣтельствуешь Башомонъ, восхищали публику своимъ любезнымъ и непринужденнымъ обхожденіемъ, такъ что многіе изъ нашей знати казались неловкими въ сравненіи съ ними“.

Еще въ 1773 г. Прусскій посолъ въ письмѣ къ Фридриху II отмѣтилъ, что „молодой Князь прекрасно воспитанъ...“ теперь баронъ Гриммъ, слѣдя за поведеніемъ Павла Петровича въ Парижѣ, такъ выразился въ одномъ письмѣ къ Екатеринѣ: „находить, что Графъ Сѣверный воспитанъ лучше, чѣмъ наши принцы“.

„Не одни праздники останавливали на себѣ вниманіе Высокыхъ путешественниковъ, говоритъ Кабеко въ своемъ прекраснѣйшемъ трудѣ“ „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ.“

Академіи, музей, бібліотека, благотворительныя заведенія, больницы, ничто полезное и поучительное не было оставлено ими

безъ осмотра и подробнаго и тщательнаго изученія. Ученые, писатели, художники были постоянно членами ихъ общества.“

А баронъ Гримъ свидѣтельствуеть, что гдѣ бы не появлялись Графъ и Графиня Сѣверные они вездѣ имѣли особенный успѣхъ.

Башомонъ въ своихъ запискахъ, упомянувъ о томъ, что Графъ и Графиня Сѣверные уѣзжаютъ изъ Парижа, оставляя въ Парижавахъ дорогую память о себѣ, дѣлаетъ слѣдующую общую характеристику Павла Петровича. „Графъ возбудилъ живѣйшее участіе въ каждомъ, кто только имѣлъ счастье приблизиться къ нему и говорить съ нимъ. Онъ милостивъ, предупредителенъ съ достоинствомъ, по качествамъ своимъ онъ обнаруживаетъ самый счастливый характеръ, и нельзя было ему не успѣть въ странѣ, гдѣ прежде всего цѣнятся любезность. Онъ говоритъ мало, но рѣчь его всегда умѣстна, проста и все, что онъ скажетъ лѣстнаго, не отзывается чѣмъ нибудъ придуманнымъ“

„Позавчера, писалъ Гримъ, Графъ и Графиня Сѣверные оставили Парижъ, но все таки продолжаютъ о нихъ говорить при дворѣ, въ городѣ, среди духовенства, въ магистратурѣ, въ академіяхъ, въ театрахъ, на гуляньяхъ... и говорятъ съ самою живою печалью и особеннымъ умиленіемъ“ Такъ было грустно разставаться Парижанамъ съ своими дорогими гостями! Баронъ Гриммъ такъ объясняетъ тайну успѣха Павла Петровича: „Въ Версали онъ имѣлъ видъ, что знаетъ французскій дворъ, какъ свой собственный. Въ мастерскихъ художниковъ Греза и Гудона онъ показалъ такія свѣдѣнія въ искусствѣ, которыя могли дѣлать его одобреніе для нихъ болѣе цѣннымъ. Въ нашихъ лицахъ, академіяхъ своими похвалами и вопросами онъ доказалъ, что не было ни одного таланта и рода работъ, который бы не имѣлъ права его интересовать, и что онъ давно зпалъ всѣхъ людей, просвѣщенность и добродѣтели которыхъ дѣлали честь ихъ вѣку и ихъ странѣ. Его бесѣда и всѣ слова, которыя остались въ памяти, обнаружили не только тонкій и образованный умъ, но и изящное пониманіе всѣхъ особенностей нашего языка“

Въ Ноябрѣ 1782 г. Павелъ Петровичъ и Марія Федоровна возвратились въ Петербургъ, а въ слѣдующемъ году они должны были поселиться въ Гатчинѣ, гдѣ и прожили до самой смерти Екатерины. Гатчинскій періодъ—самый тяжелый періодъ жизни Павла! Съ рожденіемъ Александра Павловича Императрица уже порѣшила въ своемъ умѣ устранить отъ престола сына и объя-

вить своимъ непосредственнымъ преемникомъ внука. вмѣстѣ съ тѣмъ ея отношенія къ Павлу становятся все болѣе и болѣе не только пренебрежительными, но даже враждебными.

„Фавориты, вельможи, говорить де-Сангленъ, чтобъ нравиться Екатеринѣ, или изъ подлости, боясь гнѣва ея, не оказывали ему должнаго уваженія, а когда царедворцы узнали, что императрица намѣрена переимѣнить и назначить преемникомъ престола Александра, тогда сколько нанесено ему оскорбленій!“

Особенно нагло и дерзко обращались съ наслѣдникомъ Русскаго престола фавориты, Потемкинъ и Зубовъ. Однажды на семейномъ обѣдѣ по поводу нѣкотораго спора Императрица обратилась къ Павлу Петровичу съ вопросомъ — съ чьимъ онъ мнѣніемъ согласенъ. „Съ мнѣніемъ Платона Александровича“ отвѣтилъ Павелъ. „Развѣ я сказалъ какую нибудь глупость“ нагло отозвался фаворитъ Зубовъ.

Такіе не нормальныя отношенія къ Павлу Петровичу матери и ея царедворцевъ не могли не вліять губительно на его характеръ: недовѣрчивость и подозрительность къ людямъ все болѣе и болѣе въ немъ развивались. Изъ отзывовъ современниковъ о Павлѣ въ Гатчинскій періодъ его жизни приведемъ здѣсь слѣдующіе:

„Невозможно, говорить Расстопчинъ, безъ содроганія и жалости видѣть все, что дѣлаетъ Великій Князь отецъ; онъ какъ будто изыскиваетъ всѣ средства внушить къ себѣ нелюбовь.

Онъ задался мыслію, что ему оказываютъ неуваженіе и хотять пренебрегать имъ. Исходи отсюда, онъ привязывается ко всему и наказываетъ безъ разбора...

По средамъ у него бывають маневры, и каждый день онъ присутствуетъ при разводѣ, а также при экзекуціяхъ, когда онѣ случаются.

Малѣйшее опозданіе, малѣйшее противорѣчіе выводятъ его изъ себя и онъ воспалется гнѣвомъ.

Замѣчательно то, что онъ не сознаетъ своихъ ошибокъ и продолжаетъ сердиться на тѣхъ, кого обидѣлъ“.

Иной взглядъ на точность и взыскательность Павла высказываетъ другой современникъ Ѳ. Галицыцъ. „Порядокъ, установленный у Великаго Князя, свидѣтельствуетъ онъ былъ въ таковой уже точности, что все распредѣлено было по часамъ и онъ самъ тому служилъ примѣромъ. Если изволить приказать придти въ четыре часа по утру, чтобъ ѣхать верхомъ, то вѣрно, какъ скоро ударятъ часы, онъ уже готовъ и выйдетъ. Впрочемъ придворнымъ было пріятно“.